

Люди-звери

Яшви Садхир

На какое-то время Яшви совершенно забыла об окружающем ее мире, и в ее вселенной был только Сонгцэн. Ее не задевали едкие замечания Калы, которая всегда находила возможность незаметно для других, но слышимо для Яшви высказать свое невероятно ценное мнение, ни то, что на своем балконе, выходящем в сад, однажды нашла полудохлую, но еще способную укусить гадюку, ни даже то, что ленты, которые ей подарили в монастыре, она нашла завязанными в совершенно мертвый узел. Она прекрасно знала, кто за этим стоит, но пока была не в настроении на нее жаловаться, считая эту войну слишком мелочной, чтобы сообщать о ней принцу. Калу она игнорировала, гадюке отсекла голову кукри и закопала в саду, а ленты кропотливо распутала и перепрятала.

Но постепенно первая эйфория от нового формата отношений с Сонгцэном начала проходить, у него появились дела в клане, которые нужно было решать, похолодало, и ездить на озеро подальше от дворца было уже невозможно. К тому же ей нужно было учиться с наставниками, которые согласились дать ей хотя бы школьное образование, так что заняться было чем. Но, помимо этого, Яшви не давала покоя мысль съездить в Риван и попробовать забрать что-то из материнских вещей. Она помнила, что у нее оставалась очень красивая теплая шаль, Яшви запомнила мать именно в этой шали, и думала, что, возможно, эта вещь может ей как-то помочь отпустить мать.

Выбрав день, когда Сонгцэн снова был занят, она оседлала Ворона и отправилась в деревню, решив, что управится быстро и вернется до того момента, как ее хватятся. Однако ее уверенность, с которой она выезжала за пределы резиденции, становилась все меньше и призрачнее по мере того, как она подъезжала к деревне. Здесь ее хорошо помнили - провожали хмурыми взглядами, бормотали себе что-то под нос. Яшви не стала останавливаться у чайной, опасаясь, что деревенские нанесут коню какой-нибудь вред, так и ехала верхом до самого края деревни, где немного на отшибе стоял дом гончара. Еще больше покосившийся, чем всегда. Козы у дома уже не было, сдохла, наверное. Яшви спешила и пошла к дому, звук лошадиных копыт привлек внимание двух тощих девочек, совсем юных, которые под навесом кормили выводок мелких кур. Хозяйкины дочери, которых так еще и не выдали замуж. Девочки, увидев Яшви, наперебой загомонили и бросились в дом, зовя мать. Яшви остановилась, прошлая встреча с Таманги-джи не привела ни к чему хорошему.

- Опять пришла, - с порога ворчливо начала мачеха, - сказано было тебе сюда больше не возвращаться. Навия, поди, позови отца, пусть сам с ней разбирается, - девочка убежала за дом, а Яшви сделала еще несколько шагов вперед.

- Я хочу забрать вещи моей матери. Отдайте мне их, и я сразу уйду, - она совсем не чувствовала в себе смелости. Ей хотелось поскорее покинуть деревню.

- Нет здесь ничего, а коли и было, тебе бы не дали. Будешь опять порчу наводить, ведьма, - Таманги-джи загородила собой проход в дом. - Ишь, в каких одеждах

приехала, да на коне, как мужичка. Ведьма, одним словом.

Яшви увидела сгорбленного отца, он шел, опираясь одной рукой на узловатую палку, а другой рукой на девочку по имени Навия. Артрит скрутил его еще сильнее, кажется, каждый шаг причинял ему сильную боль.

- Отец, - первой начала Яшви, она пошла мимо дома навстречу родителю, не слушая гневные причитания Таманги-джи.

- Велено тебе было не возвращаться, - вместо приветствия сказал старик. Яшви поняла, что теперь и правда старик, а ведь он был еще совсем молод, младше отца Сонгцэна. - А ты опять приехала. Мало мы из-за тебя натерпелись, вон, люди отвернулись, а ты все никак не успокоишься, свести в могилу хочешь, как мать свою. Убирайся, чтобы духу здесь твоего не было.

- Отец, позвольте только забрать материнский платок, тот, что бабка подарила на вашу свадьбу. И я сразу уеду, - попросила Яшви.

- Ишь, чего удумала! - от двора заорала мачеха так, что даже Ворон нервно переступил с ноги на ногу. - Ты посмотри, до чего отца довела, а все злоба и обида твоя. Для тебя же старались, лучше делали, а ты в могилу свести его хочешь. Убирайся!

- Нет тебе здесь ничего, - добавил отец. - Ну, иди давай, - он замахнулся узловатой палкой. Яшви зажмурилась, отступила на шаг. Щеку обожгло болью удара, пришедшегося вскользь только потому, что слабые, измученные руки отца не смогли нанести удар точнее. Яшви отступила еще на несколько шагов, схватилась за щеку - под пальцами было горячо и мокро - и, не оборачиваясь более, бросилась к Ворону. Взлетела в седло и с силой ударила пятками по конским бокам, так что Ворон сразу взял с места в карьер, поднимая клубы пыли.

В клан она вернулась часом позже, хмурая и растерянная. Как могла промыла ссадину на щеке, но щека раздулась вдвое, посинела кровоподтеком. На конюшней к ней с вопросами не приставали, но Кала, увидевшая ее в коридоре гарема, буквально расцвела от удовольствия. Яшви выгнала прочь служанок, которые охали, ахали и наперебой советовали помазать то одним, то другим, и закрылась в спальне, глядя на себя в зеркало на туалетном столике. Наличие на щеке синяка ее не особо волновало - заживет, гораздо обиднее были слова, брошенные отцом, и тот удар.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не долго мог наслаждаться ничегонеделанием в компании Яшви. Сначала ему мягко, но настойчиво напомнили о тренировках, в которых следовало вернуться в прежнем объеме, и где он теперь не только учился сам, но и занимался с учениками. Потом его стали гонять с поручениями, иногда он возглавлял небольшой отряд, который следил за порядком в окрестностях и в основном контролировал, чтобы не появлялись новые контрабандисты. Сонгцэн все также был рад видеть Яшви и ночевать с ней вместе, но у него на это было все меньше времени.

В этот раз он с раннего утра тренировался вместе со своим отрядом и к тому моменту, когда освободился, устал как собака. Сонгцэн переоделся и отправился к Яшви. В гареме был какой-то переполох, говорили о том, что невеста принца никого не принимает, и даже что она с кем-то подралась. Сонгцэн был уверен, что "никого не принимает" к нему не относилось, и потому постучал и зашел в покои девушки.

- Привет, - сказал он, оглядываясь в поисках Яшви. Он заметил её перед зеркалом, а на её лице увидел след от удара, из-за которого раздулась щека. - Что случилось?
- Спросил Сонгцэн и подошел ближе.

Он сомневался, что синяк Яшви получила в гареме. Во-первых, никто не посмел бы с ней открыто драться, во-вторых, в такой схватке он бы не ставил на наложниц, все же Яшви была куда сильнее изнеженных девиц.

Яшви Садхир

Яшви и правда никого не хотела сейчас видеть из гарема, поэтому набрала полную грудь воздуха, чтобы выпроводить непрошенных гостей, но увидела в зеркале, что это Сонгцэн, и промолчала. Она не смущалась, что он сейчас увидит этот синяк на лице, он видел вещи и похуже и пострашнее, и ей бы даже в дурном сне не приснилось с криком "не смотри" закрываться от него руками или отворачиваться в другую сторону. Она знала другое - что ее поездку в Риван в одиночестве он вряд ли одобрит. Именно поэтому и поехала туда одна. И именно поэтому, а не потому, что на лице синяк, не хотела показываться ему на глаза, чувствуя себя виноватой за то, что все пошло не так, как она предполагала.

- Я ездила в Риван, - глядя на отражение принца в зеркале, хмуро ответила Яшви. У нее была мысль сказать, что это просто хлестнуло веткой, когда она ехала через подлесок, решив не сбавлять галопа, но это было слишком наглой ложью, а Яшви пока еще было далеко до лис, чтобы выдумывать убедительные оправдания. Проще было сказать правду. - Хотела забрать вещи матери. У нее была шаль, которую ей подарили на свадьбу.

Но после она замолчала. Яшви и раньше доставалось то от матери, то от отца, больше от матери, конечно, потому что отец как-то отдалялся от воспитания дочерей и больше занимался мальчиками, но обычно это были более безобидные оплеухи или подзатыльники. Да и она быстро научилась просто делать все правильно с первого раза, чтобы избежать побоев.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэну не нравилась идея с поездкой в Риван. Он не считал, что имеет право что-либо запрещать Яшви, но предпочел бы хотя бы поехать с ней. В родной деревне её по-прежнему считали бокши, её семья от неё отреклась и не пустила бы даже на порог. С их стороны это было глупее некуда, тем более сейчас, когда слишком добрая для своего отца Яшви могла им помочь выбраться из беспросветной нищеты. Но они не были способны увидеть, что их проклятье - не ведьма в семье, а вера в предрассудки и неумение признавать собственные ошибки.

- Я так понимаю, шаль тебе не отдали, - сказал Сонгцэн. - Повернись ко мне, пожалуйста. Я уберу синяк. Кто тебя ударил?

Он не стал говорить, что поездка была опасной. Яшви и сама все прекрасно знала и ей не требовались нравоучения. Она хотела помочь душе своей матери, для этого ей, видимо, и понадобилась шаль. Сонгцэн не разбирался в мире духов и потому не мог лезть в эти вопросы. Он мог только быть рядом и помочь, когда эта помощь понадобится Яшви.

Яшви Садхир

Какая поразительная догадливость. Яшви не ответила и отвела взгляд, хотя и так было ясно, что материнская шаль осталась в том доме. То, что она там, Яшви не сомневалась, эта вещь была слишком памятной и хорошей, чтобы ее продали. Собственно, она была единственной хорошей вещью, вряд ли за этот год у отца с работой, учитывая его болезнь, все наладилось. Девочек тоже не выдали замуж. Яшви не видела братьев, но они, скорее всего, в это время были в школе, а самый младший спал. По-крайней мере на это она очень хотела надеяться.

Она повернулась на круглом мягком пуфе лицом к принцу, как он и просил. Естественно, она чувствовала его неодобрение, которое он не выказывал открыто, но Яшви и не собиралась оправдываться. Ее решение, ее ошибки, ее последствия.

- Отец, - коротко ответила Яшви, но дальше снова замолчала, чтобы разговорами не мешать Сонгцэну убирать ее синяк. Если бы это был кто-то другой, она бы, возможно, сделала хотя бы попытку закрыться или как-то предотвратить удар, но Яшви всегда была слишком послушной, и болезненный вид отца натолкнул ее на ощущение, что она может его нечаянно сломать, как хрупкую глину, одним неосторожным движением. Поэтому предпочла стоять и не двигаться, получая свои законные тумаки, чем что-то делать.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн задержал пальцы возле щеки Яшви и стал убирать ша-ци, из-за которой синяк сильнее болел и отекал. Удар был сильным, и вряд ли отец Яшви ударил рукой, он был слабым и больным еще год назад. И Яшви могла бы ему ответить, ей бы еще тогда хватило сил, но, видимо, не стала. Сонгцэн направил на ушиб желтую энергию, от которой щеку могло немного жечь, но так гематома уходила быстрее всего, а ссадина затягивалась на глазах.

- Как думаешь, они согласятся продать шаль, если я поеду договариваться? - спросил Сонгцэн.

Яшви считали ведьмой и могли не отдавать ей вещи из дома из-за предрассудков. Да и шаль - не дочери, жалко небось расставаться с ценной вещью. Сонгцэн злился, вспоминая свою встречу с отцом Яшви. С этим правильным человеком, который старался жить тихо и мирно. Он сдерживал эту агрессию, чтобы не расстраивать Яшви. Её настоящей семьей были Их-Чэрэн и Чаалун, которые приняли её и были готовы о ней заботиться. А для тех людей, что оставались в Риване, Яшви была слишком хорошей, чтобы считать их её семьей.

Яшви Садхир

- Нет, - она постаралась не двигать головой. Кожу жгло, но Яшви терпела, потому что это заживала ранка, и эта была не та боль, которую нельзя было потерпеть. - Они боятся, что я наведу порчу.

Наверное, они думали, что ее мать умерла в родах только потому, что у меня осталась ее юбка, и Яшви наслала что-то вроде проклятья, а не потому, что десятки роды - это тяжело для женщины. И ничто в этом мире не могло их убедить в том, что Яшви не собиралась насылать какую-то там порчу, потому что ей это было неинтересно, и она не знала, как это вообще делается. И вообще возможно ли это.

К тому же Яшви боялась, что они запросят слишком непомерную цену за эту шаль, которая была не такой уж дорогой, если сравнивать с вещами из дворца. Но она больше склонялась к мысли, что отец и Таманги-джи догадаются, зачем принц выкупает шаль, потому что он был с ней в родительском доме в прошлый раз, и они могли его запомнить. Каким бы узким не было их мышление, их нельзя было назвать глупыми. И они сделают все, чтобы шаль не попала к ней, опасаясь, что она найдет болезни, неудачи и что-нибудь еще, словно они и так не сидят в яме бедности и разрухи. Куда уж дальше.

Попроси они у нее помощи, Яшви бы помогла не задумываясь, она бы нашла деньги, которые могла бы им отослать, у нее остались еще те, которые ей дала Прия-джи за работу во дворце. Немного, но все лучше, чем ничего. Теперь она думала, что этим людям помощи от нее было не нужно.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

По мнению Сонгцэна, портить в том доме было уже нечего. Они катились в беспросветную нищету, потому что больной глава семьи не мог обеспечить своих детей и детей новой жены, а также дать сыновьям образование. И колдуй тут или не колдуй, лучше не станет. Но он поверил в то, что сказала Яшви, поняв, что самому ехать в Риван за шалью бесполезно.

- Что-нибудь придумаем, - сказал Сонгцэн.

Гематома на щеке пропала, как и ссадина, только кожа еще оставалась немного покрасневшей, но и это вскоре пройдет. Сонгцэн стряхнул с рук ша-ци и внимательно посмотрел на лицо Яшви, чтобы убедиться, что у неё не осталось других следов от встречи с родней.

- Если бы они не были такими суеверными, ты была бы для них шансом выбраться из нищеты, - сказал Сонгцэн. - Но они скорее поверят, что ты их прокляла за то, что отец ударил тебя по лицу, а не что они скатились еще дальше, потому что упустили свой шанс. Если ты знаешь, как я могу тебе помочь с этой шалью - скажи.

Яшви Садхир

Возможно, все можно бы было исправить, скажи она им, что выходит замуж, да не за кого-то там, а за принца клана Королевских Кобр, но Яшви казалось, что даже в этом случае они бы нашли повод обвинить ее в том, что она околдовала принца и силой заставила на себе жениться, ведьмы и не такое умеют. И она уже была не уверена в том, что хочет, чтобы они знали о предстоящей свадьбе. Не хватало еще начать

обвинять себя в том, что она была недостаточно прилежной и послушной дочерью и недостаточно усердно искала себе мужа в то время, когда это было необходимо, чтобы спасти репутацию семьи.

- Я не знаю, - призналась Яшви. - Не красть же ее теперь.

Можно было попробовать встретиться с братьями, попросить их просто вынести шаль из дома, когда мачехи не будет внутри, и оставить где-то за пределами деревни, но это все равно что воровство. Даже если дать мальчикам денег, Яшви не хотелось делать что-то за спиной отца. Она с трудом, но могла понять мотивы его поступков, но легче ей от этого не становилось. И было все также обидно, ведь она не хотела ничего дурного, она, как и обещала, забрала бы шаль и уехала, теперь уже точно навсегда, потому что с этим домом ее бы больше ничего не связывало. Но вместо этого они предпочли просто отмахнуться от нее, прогнать как чужую незваную гостью. По сути, она таковой для них и была.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Не красть, - согласился Сонгцэн, который считал, что даже в отношении дурных людей не стоило поступать так, как запрещала совесть.

Он задумался. Сонгцэн не хотел налаживать отношения с отцом и мачехой Яшви, эти люди сами от неё отреклись. Разрешение на брак он спрашивал у Их-Чэрэна - человека, который искренне переживал за благополучие Яшви. Он мог бы послать бывшей семье своей невесты подарки в честь её замужества, а после этого говорить насчет шали как памяти о матери девушки, но ему это не нравилось. Эти люди не заслужили того, чтобы он пытался к ним навязываться и причинять добро.

- Можно подождать некоторое время, а потом просто предложить за шаль деньги, - сказал Сонгцэн. - Они продают дочерей, думаешь, пожалеют шаль? Попрошу кого-нибудь из тигров пройти по деревне, представиться китайским туристом, который собирает непальские национальные платки, например. Я не думаю, что твой отец сейчас зарабатывает достаточно, чтобы прокормить семью.

Яшви Садхир

Яшви поняла, что принц закончил с ее щекой, и глянула в зеркало на туалетном столике, перед которым выстроились ряды баночек, бутылочек и прочих емкостей, о содержимом которых Яшви могла только догадываться, потому что никогда ничем таким не пользовалась. Все они выглядели и пахли по разному, в каких-то были мази, в каких-то - масла или другие жидкости, но Яшви пока не добралась до того, чтобы их изучить. К своей внешности она относилась поразительно равнодушно для семнадцатилетней девушки.

Щека была слегка покрасневшей, но следа от синяка и ссадины не оказалось. В целом, выглядело все так, словно она просто проспала всю ночь на этой стороне, и у нее отпечатались на коже подушка. Яшви поблагодарила принца, с тех пор, как они познакомились, он только и делал, что что-то ей лечил.

- Не надо, - ответила Яшви, немного подумав. - Я придумаю что-нибудь другое, у меня остались еще вещи от матери, ее одежда, которую она дала мне, когда...в тот

день, когда меня продали. Может, этого будет достаточно.

Пока она не хотела снова даже мысленно возвращаться к тому дому и семье, в нем обитающей. А ведь год назад, чуть больше, и она считала эту полуразвалившуюся хибару своим домом. В Монголии она жила не сильно богаче, да и в Линь Ян Шо не сказать, чтобы ей достались огромные хоромы, как здесь, в клане, но там все равно было намного лучше. Там никто не называл ее бокши, не бил по лицу и не говорил, что она свела в могилу собственную мать и туда же норовила отправить и отца.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Решать тебе. Но, если понадобится - скажи, чтобы я поговорил с Тиграми, - сказал Сонгцэн.

Соплеменники матери были ханьцами внешне и вполне могли сойти за китайских туристов. Они все свободно говорили на путунхуа, хотя не менее свободно владели непали и английским. С этой авантюрой проблем бы не возникло. Нужно было только подождать после визита Яшви, чтобы не вызвать подозрений. А заодно и дать этому семейству время посчитать, на что еще им переставало хватать денег. Сонгцэн не считал бедность пороком. Он знал, что в Непале в деревнях куча народу выживала в нищете, и это было их бедой, а не виной. Но он не мог понять, как при этом можно было отвести собственных дочерей на рынок. А после этого еще и отречься от них, когда им удалось выкрутиться, несмотря ни на что.

- Ты не обедала еще? - спросил Сонгцэн.

Он только вернулся с тренировки и планировал пообедать в компании Яшви. Для этого сейчас можно было послать за едой кого-нибудь из тех, кто слонялся по коридору и снова грел уши.

Яшви Садхир

Яшви кивнула, но подумала, что ей и так хватает интриг в гареме, чтобы задумывать авантюры еще и в таком деле. Она надеялась, что какой-нибудь другой вещи хватит, чтобы хотя бы попытаться осуществить ею задуманное (справедливости ради, Яшви понятия не имела, что ей нужно будет сделать, чтобы попробовать отпустить дух матери), но она понимала, что с некоторыми предметами связь духа может быть намного сильнее, чем с другими. И предпочтительнее, конечно, была бы именно эта шаль, но раз получить ее пока нет никакой возможности, то нужно искать другой способ.

- Еще нет, - Яшви покачала головой. - Я только недавно вернулась.

Она еще даже не сменила дорожной одежды и не умылась, да и об обеде на думала в последнюю очередь. Сейчас Яшви не знала, чего ей хочется больше, остаться одной, чтобы смириться с произошедшим и уложить его как-то в своей голове, может быть, даже немного поспать, чтобы отвлечься от этих мыслей, или побыть с Сонгцэном. Но она не привыкла спать в середине дня, и чувствовала, что никакое занятие сейчас не переключит ее, а ближе Сонгцэна у нее все равно никого больше не было. Она снова чувствовала себя потерянной и очень, очень одинокой, как было и в тот раз, когда она была в Риване вместе с принцем. Не очень приятно понимать,

что твоя семья от тебя отказалась, а ты еще за что-то и должна быть им благодарна.

- Я чувствую себя странно, - призналась она. - Попроси, чтобы принесли чай?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн выглянул в коридор и попросил слонявшуюся рядом служанку подать им с Яшви обед и принести чай. Та послушно побежала исполнять распоряжение принца, а он вернулся в комнату.

- Скоро принесут обед и чай, - сказал Сонгцэн.

Он подошел к Яшви, положил руки ей на плечи и посмотрел на отражение девушки в зеркале. За то время, что они были знакомы, она сильно изменилась, но сейчас взгляд все более уверенной в себе лисицы снова стал немного затравленным. Сонгцэн не мог сравнить ни с чем в своем опыте, что Яшви чувствовала, когда от неё снова и снова отрекалась её семья. Ни за что, из-за суеверия. Можно было говорить сколько угодно, что без них ей было лучше. Что она нашла Лис, что выходила замуж в отношениях, где ей не придется жить впроголодь и рожать кучу детей в нищете. Но она все равно хотела помочь духу матери, которая отвела её на рынок. И она стерпела удар от отца, который второй раз прогнал её из родного дома.

- Тебе больно из-за них? - спросил Сонгцэн, вспомнив их с Яшви разговор в тот день, когда был уничтожен клан Сурикатов.

Яшви Садхир

Яшви вздрогнула, когда Сонгцэн положил руки ей на плечи, словно снова вернулась на пару месяцев назад, когда его прикосновения воспринимались с непривычным удивлением. Наверное, подспудно она ожидала чего-то вроде удара, прекрасно зная, что он так никогда не сделает, но попробуй обмани свое тело, которое сегодня снова испытало, что это такое, когда тебя может ударить человек, которого ты считаешь близким и родным.

- Я знаю, что я не должна так переживать, - ответила Яшви, подбирая слова, потому что внутри все находилось в таком разбросе и потерянности, что еще нужно было как-то все это собрать. И это состояние, в отличие от того, что она испытывала рядом с принцем в минуты их близости, когда не могла найти правильные слова для того, чтобы обозначить свои эмоции и ощущения, ничуть не было приятным. - Но это все равно больно. И обидно.

Это была какая-то детская обида, когда ты не понимаешь, что ты сделал не так, чтобы тебя отругали, шлепнули по рукам и отправили спать без ужина. Когда стараешься сделать как лучше, но все равно почему-то все не так, не так хорошо, не так правильно, не так ожидаемо. В такие моменты у ребенка возникают мысли, что наверное, он плохой, и родители его не любят, и это самое страшное для него понимание. Яшви была старше, но недолюбленный в ней ребенок никуда не делся.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн заметил, что Яшви вздрогнула, и это его удивило, потому что за все время, что они провели вместе после возвращения в клан, она не пугалась его прикосновений.

- Кому не должна? - спросил он. - Тебя обидели ни за что. Твои родители продали тебя на рынке, потому что люди в деревне называли тебя бокши. А твой отец после этого еще дважды выгнал тебя из дома, потому что решил, что мнение людей в деревне важнее того, что чувствуешь ты. Когда тебя бьют - тебе больно, когда тебя обижают - тебе обидно. Только я знаю, как вылечить синяк, но не знаю, как сделать так, чтобы эта обида не причиняла тебе боль.

Он злился на семью Яшви и не понимал того, как они поступали. Как удивлялся тому, какой при этом смогла стать сама Яшви. Она была сильной, смелой, честной и все равно была готова идти своим путем. Её не сломали те, кто был за неё в ответе и не справился с этой ролью. Просто она оказалась сильнее, мудрее и намного лучше, чем семья, в которой она родилась.

Яшви Садхир

Яшви видела, что Сонгцэн не понимает ее и тот мир, в котором она родилась и выросла и из которого вырвалась только чудом. Ему никогда не нужно было выживать вшестером в одном маленьком доме из двух крохотных комнат, не нужно было на всем экономить и пытаться уснуть, представляя себе завтрашний день, когда наконец-то можно будет поест. Яшви так уж прям не голодала неделями, но бывали и такие дни, когда на всех еды не хватало. Люди в деревнях, подобных Ривану, поступали так не потому, что им так хотелось, а потому что они были вынуждены так жить - продавать дочерей на рынке, когда они не могли выдать их замуж, или прогонять тех, кто опозорил семью. Какими бы дикими не были эти традиции, она сохранялись веками, и люди не знали ничего другого, не видели лучшего и не понимали, что можно поступить иначе.

- Не злись, - попросила Яшви в очередной раз. - Это ничего не меняет. И не сделает мне лучше.

В то, что ее все-таки продали, была и ее заслуга или вина, с какой стороны посмотреть. Она могла бы сбежать - справиться с беременной матерью не составило бы труда, но куда бы она пошла? В горы, одна, не зная толком ничего, что помогло бы ей выжить? Или обратно домой, где отец бы ее избил и снова отправил на рынок? Она бы соврала, если бы сказала, что у нее совсем не возникало мыслей о побеге - возникало, и не раз. Но здравый смысл все же был сильнее. Нет ничего достойного в том, чтобы выброситься из окна, лишь бы остаться при своем мнении. Намного более достойно выжить, несмотря на все сложности, что оказались на пути.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я не злюсь, - ответил Сонгцэн. - Мне обидно, что с тобой так поступили. Ты этого не заслужила.

Яшви с детства тащила на себе кучу домашних дел и ухаживала за младшими. А судя по тому, как её встретили в прошлый раз, когда Сонгцэн мог это видеть, к ней относились хуже чем к прокаженной. Она не сделала для семьи ничего плохого, это

они её предали, но они же смели обвинять её, например, в смерти матери. Её, а не отца, от которого эта мать рожала незнамо какого по счету ребенка в нищете и без медицинской помощи.

- Я рад, что ты встретила Лис, и что семья Их-Чэрэн гуая стала твоей семьей, - сказал Сонгцэн. - И я надеюсь, что у нас с тобой будет та семья, где тебе будет хорошо.

У него перед глазами был пример родителей. Он видел семьи в Линь Ян Шо, которые казались ему достаточно счастливыми. Сонгцэн считал, что семья - это готовность нести ответственность за остальных.

Яшви Садхир

Яшви опустила взгляд, ничего не ответив. Сейчас та ее семья, которую она готова была назвать семьей, осталась очень далеко от нее, и не было никакой возможности с ними связаться, потому что она до сих пор не получила ответных писем. Яшви знала, что клан должен был прибыть на совет кочевников, но не знала смог ли ослабленный боем клан совершить этот переход, чтобы добраться до нужного места. Может быть, она пишет уже в пустоту, никакой семьи у нее больше нет вообще.

Она ужасно скучала по клану, хотела вновь оказаться в степи, чтобы без всех этих надоевших традиций, без сплетен, слухов и прочих низостей гарема, чтобы если и змеи, то сами заползали в шатер, а не их подбрасывали, если ехидные комментарии, то от Алахчит или Оронара, а не от Калы и ее подпевал. Здесь Яшви чувствовала себя как в ловушке, с тем отличием, что она сама согласилась сюда приехать, когда согласилась выйти замуж.

Яшви зажмурилась на секунду, чтобы удержать горячие слезы обиды внутри, но потом снова взглянула на принца, на его отражение в зеркале.

- Я хочу умыться перед тем, как принесут обед, - сказала она. К тому же ей нужно было переодеться, чтобы не садиться за стол в пыльной дорожной одежде.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн заметил в отражении, что у Яшви блеснули глаза. Она сдержала слезы, а он не стал говорить, что это заметил. Он просто видел, что ей сейчас плохо, обидно и больно. И он ничего не мог с этим сделать, только быть рядом.

- Хорошо. Я дождусь тебя здесь, - ответил Сонгцэн. Он коснулся губами макушки Яшви, но после этого отстранился и убрал руки с её плеч.

Он был голоден и надеялся, что служанка с обедом придет быстро. В это время обед уже должен был быть приготовлен, нужно было просто принести все в покои Яшви. Сонгцэн сел на подушки за чайный стол. Он думал о том, что было бы здорово, если бы Лисы прибыли в Покхару быстрее. Они были приглашены на свадьбу Яшви, и Сонгцэн был уверен, что они приедут. Тогда Яшви должно было стать легче, именно они были её настоящей семьей, которая умела её ценить и думала о её благополучии.

Лисам пришлось тяжело после схватки с Шакалами, но Сонгцэн был уверен, что Алахчит справится после того, как в клан приехали лекари из Линь Ян Шо.

Яшви Садхир

Яшви быстро приняла душ, но затем долго стояла перед большим зеркалом над красивой раковиной. Она сдержала слезы, не дав им пролиться, и впервые за то время, пока была в резиденции, бросила грязную дорожную одежду прямо на пол ванной комнаты, чтобы ее потом забрал кто-то из служанок. Обычно она себе этого не позволяла, зная, каким трудом может быть ручная стирка, но она уже не Яшви из Ривана. Может быть, ей больше никогда не придется стирать самостоятельно, да еще и руками.

С одной стороны, ей хотелось, чтобы быстрее наступила зима, когда приедет клан, если он вообще приедет, а с другой, очень этого боялась, потому что ей казалось, что после замужества ее жизнь должна будет сильно измениться. Они обсуждали это с принцем, но то, что говорил он, никак не могло наложиться на то, к чему привыкла она. Когда жена должна беспрекословно слушаться мужа, рожать и воспитывать детей и следить за хозяйством. Пока они еще не были женаты, у нее оставалась какая-то свобода.

Она снова умылась холодной водой, заплела волосы в нехитрую прическу и оделась в женскую одежду, ради разнообразия, несмотря на то, что мужской костюм казался более удобным, и вышла из ванной, найдя принца за чайным столиком. Хотя голода как такового Яшви не чувствовала, часуйма всегда помогала ей успокоить мысли и привести их в порядок.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Пока Яшви была в ванной, служанки принесли чай и обед - рис с бобами и курицей, тхукпу с мясом, блюдо с момо, блюдо с фруктами и лепешки. Сонгцэн считал, что еды здесь минимум на четверых. Но он не стал приступать к обеду, пока не вернулась Яшви.

Из ванной она вышла в женской одежде и с другой прической. Сонгцэн больше привык видеть Яшви в брюках, хотя не мог отрицать, что в сари она была очень красива. Просто она всегда выбирала то, в чем удобно, и, как ему казалось, не думала о том, что ей больше шло. И его это устраивало. Он вообще считал, что Яшви лучше всего без одежды, но это касалось только их двоих.

Сонгцэн налил часуйму Яшви и себе. Чай был крепким и ароматным, он помогал восстановить силы, в том числе после долгих тренировок.

- Ты ничего не планировала на вечер? - спросил Сонгцэн.

Яшви Садхир

Яшви присела за столик, где уже были расставлены блюда, словно здесь должно были обедать по меньшей мере трое, а не они вдвоем с принцем. Но сначала девушка взяла пиалу с горячим ароматным чаем, надеясь, что аппетит к ней придет

во время еды. Она никогда не жаловалась на его отсутствие, но иногда бывают ситуации, когда кусок не лезет в горло.

Чай приятно согревал. Снаружи была уже уверенная осень, сезон дождей закончился, во дворце было свежо и прохладно из-за обилия гуляющих по многочисленным залам и коридорам сквозняков. Сейчас в Покхаре, куда Яшви несколько раз выбиралась погулять по городу, было больше всего туристов. Однажды с ней даже попросились с фотографироваться, хотя, на взгляд Яшви, вокруг было куда больше более традиционно одетых девушек, а она была в мужском костюме для верховой езды.

- Я - нет, - ответила Яшви. Она поставила пиалу с чаем обратно на столик и подумала, что можно съесть несколько момо, по-крайней мере, именно к ним лежала душа. - Мне нужно в очередной раз померить платье на свадьбу. Уже пятое, кажется.

Она практически не участвовала в подготовке, и позволяла служанкам и швеям нашивать на сари и вуали столько золотых нитей и узоров, сколько они посчитают нужным, поэтому раз от разу наряды становились все тяжелее от количества нашитых на них драгоценностей, а узоры - все замысловатее.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не вдавался в подробности о подготовке к свадьбе. Он знал, что во дворце достаточно тех, кто без его участия все организует. Они уже дважды почти все подготовили, накопили достаточно опыта.

- Я свободен до вечера, - сказал Сонгцэн. - Но в начале ночи поеду с патрулём.

Он взял миску с горячим ароматным супом. Такая еда была сытной и хорошо восстанавливала силы. Но пока Сонгцэну все равно не хотелось думать о том, что вечером придётся куда-то ехать.

- Я вернусь часа в два ночи, могу пойти к себе, чтобы тебя не будить, - сказал он.

С того дня, как он в зверином облике гонял дедов гарем и стражу по коридорам, он все ночи проводил у Яшви и к себе ходил только за тем, чтобы переодеться. И был бы рад из патруля вернуться сюда, но не хотел беспокоить Яшви, когда она уже ляжет спать. Его не волновало, как к этому отнесутся наложницы: у них будет повод для сплетен независимо от того, где он будет спать.

Яшви Садхир

Она обычно не спрашивала, какие дела у принца во дворце и за его пределами, считая, что никто не будет рассказывать ей подробности, как представителю другого клана. Сонгцэн, может быть, и рассказывал бы что-то в общих чертах, спроси она, но она не ставила его в такое положение, когда ему пришлось бы подбирать слова, чтобы не сказать что-то лишнее. Клан Кобр был ему родным, Яшви же чувствовала себя здесь чужой и гостьей не самой желанной. Чтобы здесь выживать, нужно было родиться коброй.

- Нет, я хочу, чтобы ты пришел сюда, - ответила Яшви. Поначалу она подумала, что будет лучше принцу вернуться к себе посередине ночи - Яшви рано легла и рано вставала, - но после поняла, что привыкла просыпаться с Сонгцэном и не хочет сегодня оставаться на целую ночь одна. С того момента, как они приехали в клан, возможность проводить с принцем ночи стало одной из немногих ее радостей. К тому же это гарантировало, что гарем его Величества не будет предпринимать никаких попыток испортить Яшви ночь, особенно после того случая, когда Сонгцэн показал им, где они были неправы, когда ворвались без стука в ее покои.

- Я не хочу сидеть во дворце до вечера, - сказала она. - Но и не хочу идти в сад, потому что там у всех ближайших кустов вдруг вырастут уши.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Хорошо, я ночью приду к тебе, - ответил Сонгцэн.

Во дворце у Яшви не было дел, когда она не была занята учебой. И при этом гарем её по-прежнему доставал. Сонгцэну это не нравилось, хоть он и знал, что после того, как Яшви в родной деревне считали бокши, шепотки за спиной в серпентарии ей покажутся детским лепетом.

- Сходи к мастеру Раджу поиграть в го, - предложил Сонгцэн. - Он всегда рад тебя видеть.

Советник деда был человеком со своими странностями, но он радовался, когда приходила Яшви, чтобы поиграть в го и послушать его рассуждения. И он был одним из тех людей, кто всегда был на стороне Яшви во дворце. Сонгцэн считал, что без его помощи он бы никогда не получил разрешение деда на свадьбу с Яшви. Мастер Радж во дворце мог быть одним из ангелов-хранителей для будущей жены принца.

Яшви Садхир

Поначалу идея приеца показалась Яшви заманчивой, но чем больше она о ней думала, тем лучше понимала, что эта идея конкретно сегодня ее совсем не привлекает. Она казалась самой себе капризным ребенком, у которого слишком много свободного времени, и это порождает нытье и желание привлечь к себе внимание.

- Я не в настроении кого-то сегодня видеть, - хмуро сказала Яшви. Ей нравился наставник Радж и нравилось проводить с ним время, играя в го или что-то обсуждая или слушая, конечно, по большей части слушая, чем обсуждая. Но ее настроение было безнадежно испорчено поездкой в Риван, обернувшейся не совсем тем результатом, на который она рассчитывала. Она сомневалась, что даже общение с наставником переключит ее с мыслей об ее семье и произошедшем инциденте.

- Наверное, мне лучше остаться в своих покоях, - подытожила она. Нечестно тащить свое плохое настроение наружу, ведь можно опять наткнуться на змей его Величества, которые непременно отпустят ехидные замечания, выслушивать которые у Яшви не было ни малейшего желания.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не знал, что еще посоветовать Яшви. Он не мог взять её с собой в патруль, потому что там не было ничего хорошего, и не хватало еще таскать будущую принцессу на военные задания. Она достаточно навоевалась за свой клан, чтобы не заниматься делами Кобр.

- Я не могу отказаться от патруля, иначе остался бы с тобой, - сказал Сонгцэн и посмотрел на Яшви.

Ей было сложно в резиденции Кобр. Она не чувствовала, что находилась здесь дома. У неё было мало тех, кому она доверяла, и даже простая прогулка по саду была для неё необходимостью следить за каждым жестом и каждым словом. Сонгцэн постоянно думал о том, как это изменить, но пока не находил действенных вариантов.

- Но у нас еще есть время до того, как я уеду, - он улыбнулся. - И будет много времени, когда я вернусь.

Сонгцэн видел, что даже его матери не всегда комфортно в этом дворце. Нужно было искать выход, чтобы гарем не диктовал свои условия.

Яшви Садхир

- Я и не прошу тебя об этом, - возразила Яшви. Не хватало еще, чтобы он пренебрегал своими обязанностями из-за ее плохого настроения. Тогда у его Величества возникнут к ней серьезные вопросы, а Яшви не хотела сеять раздор между принцем и его дедом, зная, насколько трудно и одиноко может оказаться без поддержки семьи и семьи как таковой. Ей не хватало простых разговоров с Чаалун или даже какой-то наивной болтовни с Алахчит, когда они обсуждали все на свете - от мужчин (здесь больше говорила Алахчит) до детских заветных мечтаний, вроде увидеть самый большой в мире город или стать самостоятельной и независимой от других.

- Я найду, чем заняться. Может быть, опять погуляю верхом, - конные прогулки были единственной возможностью сейчас хоть ненадолго выбраться из дворца, и Яшви прибегала к этому способу спастись от пристального и навязчивого внимания гарема с завидной регулярностью. Если бы не необходимость учиться, она бы спокойно уезжала на целый день, возвращаясь только к вечеру, когда Сонгцэн мог отложить дневные дела до следующего утра.

Яшви допила чай и взяла кусочек экзотического ананаса, который поставляли во дворец неизвестно откуда, но в резиденции всегда было много свежих фруктов характерных не только для привычного климата. Эти фрукты нравились Яшви даже больше сладостей, к которым она пристрастилась еще за прошлые разы пребывания в клане.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Хорошо, - Сонгцэн кивнул.

Он оставил пустую тарелку и взял с блюда момо с ячьим мясом. Он заметил, что Яшви ничего не ела, только выпила чай и потянулась к фруктам. Он не стал об этом говорить, потому что не хотел злить девушку, которая сама могла решить, хочет ли есть.

- Я не могу тебе ничего запрещать и не считаю правильным тебя от чего-либо отговаривать. Но если снова захочешь ехать в Риван, лучше позови меня с собой. Или кого-нибудь из воинов клана, - сказал Сонгцэн.

В деревне Яшви все еще считали бокши. На неё могли нападать, даже если она уже была способна дать отпор. Если с ней будут вооруженные всадники, соседи как минимум побоятся бросать камни и как-то еще открыто проявлять агрессию. Да и отец Яшви вряд ли ударил бы её, будь с ней кто-то, кто мог сразу ударить в ответ, не считая, что старость и немощь - оправдание для такого отношения к дочери.

Яшви Садхир

- Я больше не поеду в Риван, - пообещала Яшви. Она сделала все, что могла, чтобы хотя бы попытаться наладить отношения с той семьей, которая там осталась, но они не пошли к ней навстречу ни в тот раз, ни в этом, а, значит, пора было смириться с тем, что мира не будет. Успокоиться и сосредоточиться на тех людях, для кого она еще хоть что-то значит. - Кочевники говорят, что если лошадь сдохла - слезь с нее. Эта лошадь сдохла, но я до сих пор это не могу принять.

Это было очень тяжело, принимать, что твоя семья отказалась от тебя, и даже теперь, когда ты не живешь с ними, и только приезжаешь раз в полгода для очередной попытки понять их мотивы и увидеть в их взгляде что-то помимо презрения и неудовольствия, встречаешь только еще большее отторжение. Это уже просто немой вопрос "почему?" на который тебе все равно не дают понятного тебе ответа, ограничиваясь одним только брошенным тебе в лицо обидным прозвищем бокши. Но ведь она ничего не сделала плохого, она не проклинала, не наводила порчу, не делала или говорила гадости, старалась быть послушной, правильной, примерной дочерью, но так сложилось, что ее нежелание выходить замуж наложилось на реальную ситуацию, когда замуж ее просто не брали, и на умение слышать мертвых.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я не знаю, что бы чувствовал на твоём месте, - сказал Сонгцэн. - Я могу говорить только о том, что вижу со стороны. Тебя предали те, кто был за тебя в ответе. В этом нет твоей вины, и ты ничего не можешь с этим сделать.

И даже то, что положение отца и мачехи Яшви, а также их детей было менее завидным, чем положение Яшви и Джии, никак не оправдывало эту семью. Потому что это для Сонгцэна они были опустившимися людьми, готовыми продать собственную совесть. Эткими Тенардые, которые слишком нищи, чтобы не быть нищими душой. Чьи дети росли более совестливыми, чем родители, которые не видели в совести практической пользы.

- Я жду, когда приедут Лисы. Мне кажется, что когда здесь будут Их-Чээрэн гуай, эмэ, Алахчит и остальные, тебе будет легче, - добавил Сонгцэн

Он злился на отца Яшви. Злился бы и на её мать, если бы та не был мертва. Он не понимал, как можно так поступать. Для него ситуация была совершенно дикой, особенно когда он понял, что тот же отец не вышел к Яшви, признав свою вину, не сказал, что рад её видеть живой и невредимой, а просто выгнал, потому что верил, что она - бокши.

Яшви Садхир

Она ничего не ответила, потому что здесь и правда нечего было говорить. Она ничего не могла сделать с этой ситуацией, приползи она на коленях к родительскому дому, они скорее бы отогнали её палками и камнями, чем признали её невиновность. Потому что им было проще не вдаваться в подробности и отвернуться, чем как-то проблему решать. Если быть честной до конца, то Яшви не очень-то и ожидала от отца и мачехи какого-то понимания, но ведь надежда, как известно, всегда умирает последней.

- Я надеюсь, что они приедут, - сказала она позже. - Но боюсь, что это может не случиться. Я не получила ни одного ответа с тех пор, как уехала из клана. Я стараюсь успокоить себя тем, что письма просто затерялись, ведь мне *они* не снятся.

Это было главным, почему она еще до сих пор могла сохранять какое-то спокойствие и сетовать на перебои в работе почты. Клан был ослаблен, в живых осталось мало взрослых воинов, в основном старики, дети и женщины, которые не держали оружия, и он мог стать легкой добычей для тех, кто не прочь пожить за чужой счет и живет набегами. Глупо полагать, будто в степи есть только лисы и шакалы, ведь полно и других кланов. Наверное, ей просто нужно было войти в транс и спросить, но Яшви боялась, что ей просто не дадут ответа после того, как она отказалась уходить тогда, после боя.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я уверен, они приедут, - ответил Сонгцэн.

У них не было сильных союзников в Монголии, кто оперативно передавал бы новости. Пока Яшви была с Лисами, Сонгцэн довольно регулярно получал её письма и отправлял свои, но в степи маршрут мог смениться в любой момент, и тогда письма прибывали бы на стоянки с опозданием. Кочевники не получали почту, только тогда, когда могли сами доехать до почтового отделения.

- Я могу спросить маму или мастера Раджа, если хочешь, - добавил Сонгцэн. - Можешь и сама их спросить.

Они могли узнать почти что угодно. В том числе новости о Лисах, ведь у Яшви могли остаться от них хоть какие-то вещи, чтобы получить информацию. Можно было получить её даже от коня, что приехал из Монголии. Сонгцэн не верил, что с Лисами могло случиться что-то страшнее, чем та стычка с Шакалами, в которой он участвовал, когда погибли многие воины этого кочевого клана.

Яшви Садхир

Яшви настолько стремилась к независимости и самостоятельности, что совсем забыла о том, что в клане есть сильные прорицатели. Но этот способ показался ей более затратным и сложным, потому что подразумевал вовлеченность в него третьих лиц. Будучи довольно скрытной, Яшви не хотела посвящать окружающих в свои переживания, даже если ими были будущая свекровь и наставник, который многому ее обучил. Яшви было проще держать эту вежливую дистанцию.

- Нет, не хочу беспокоить мастера Раджа, - ему было много лет, а поиски ее младшей сестры отняли у него достаточно сил, и Яшви не хотела пользоваться добротой наставника ценой его здоровья. Она не сомневалась в его способностях, ни в способностях Бо-джи, но сомневалась, что причина обращения к ним *действительно* стоящая.

- Я попробую сначала узнать сама, - сказала она. Так у нее хотя бы не будет ощущения, что она не сделала ничего, кроме нытья, и сразу побежала за чужой помощью. Нет ведь ничего плохого в том, чтобы сначала попытаться самой? Яшви думала, что ничего. - А потом, если ничего не выйдет, спрошу Бо-джи.

К тому времени, может быть, и письма дойдут, и необходимость что-то спрашивать отпадет. И потом, если бы было что-то серьезное, духи бы ей сообщили, ведь так?
